

ПРЕДИСЛОВИЕ

Память о Великой Отечественной войне живет в сердцах всех, кому дорога Россия. В нашей стране трудно найти город или иной населенный пункт, где нет памятников героям той войны. Их имена на устах многих людей в День Победы или в другие дни, связанные с Великой войной. Не забыт подвиг и простого солдата, и деяния выдающегося маршала. Однако завеса молчания, как правило, скрывает имя, с которым наши воины шли в смертельный бой, бросая клич: «За Родину! За Сталина!» Забытым оказался тот, кто возглавлял великое государство в годы отчаянной схватки с врагами человечества.

Если же о Сталине вспоминают, то лишь затем, чтобы еще раз заявить, будто он, и только он, виновен в жертвах той войны, а Победа была достигнута не благодаря Сталину, а вопреки ему. Более полувека, прошедшие после смерти Сталина, ознаменовались многочисленными попытками очернить его деятельность как государственного руководителя и полководца. В то же время эти попытки постоянно получали отпор. При этом в защиту Сталина вставали, как правило, те, кто был непосредственным свидетелем его государственной деятельности. Кто же прав в этом полувековом споре?

Противники Сталина утверждают, что появление его во главе нашей страны было роковой случайностью. Обладал ли Сталин качествами, необходимыми для руководства нашей страной в годы грандиозных преобразований?

Критики Сталина обращают внимание на то, что он не имел военного образования и опыта службы в армии, а потому не мог не совершать ошибок в руководстве обороной страны. Что же позволило Сталину возглавить Вооруженные силы в годы самой тяжелой войны нашей страны за всю ее историю?

Недрузи Сталина указывают на ошибки, допущенные им до Великой Отечественной войны и в ходе ее. Они уверяют, что эти ошибки были фатальными для Красной Армии и нанесли ей непоправимый урон. Что же позволило нашей стране одержать Победу в этой

войне и в какой степени правильные и своевременные действия Сталина способствовали этому?

Какую же роль сыграл Сталин в войне, которая могла привести к порабощению нашей страны и всего человечества Германией и ее союзниками? Какую роль сыграл Сталин в предотвращении ядерной войны, которую готовили бывшие союзники по антигитлеровской коалиции против нашей страны?

Для того чтобы найти ответы на эти вопросы, рассмотрим последовательно важнейшие вехи жизни и деятельности Сталина, которые позволят увидеть его становление как государственного и военного руководителя и оценить его роль как полководца Великой Отечественной войны.

Часть I

ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Глава 1

ДЕТСТВО ГЕНЕРАЛИССИМУСА В ГОРИ

Утром 17 декабря 1878 года в Успенском соборе Гори совершался обряд крещения новорожденного Иосифа. Позже в церковной метрической книге была сделана соответствующая запись, из которой следовало, что ребенок родился 6 декабря 1878 года, что его родители — жители Гори, крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и Екатерина Георгиевна, а крестным отцом является житель этого же города крестьянин Цихитатришвили. Через несколько десятилетий в центре Гори сыну Виссариона и Екатерины был поставлен огромный бронзовый памятник, у подножия которого постоянно возлагали цветы.

К этому времени подлинная фамилия и время рождения Иосифа были изменены. Он стал известен всему миру по фамилии «Сталин», которую он избрал в качестве псевдонима в годы подпольной революционной деятельности. Цветы же к постаменту памятника возлагали 21 декабря, потому что считалось, что Генералиссимус Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) родился 21 декабря (по новому стилю), или 9 декабря (по старому стилю) 1879 года.

По неизвестным причинам его год рождения впервые был неверно обозначен его помощниками, заполнявшими за него анкеты в 1921—1922 годах. Сталин почему-то их не поправил. В дальнейшем же во всех биографических справках о нем указывали, что его год рождения — 1879-й. Неясно, и когда был изменен день его рождения. Скорее всего, его родители забыли точный день рождения, так как, будучи неграмотными, не записали его и никогда не справлялись с метрической записью.

Но еще до крещения ребенка были наверняка совершены обряды, типичные для грузинской крестьянской семьи того времени.

Сразу же после рождения ребенка его должны были вымыть в воде, в которую до этого опустили шашку. Затем малютку посадили на специально сделанного деревянного коня, чтобы он стал мужественным воином. Около рта новорожденного пронесли пойманную ласточку, чтобы мальчик стал быстрым, как эта птичка. А чтобы он был бдительным, в дом принесли петуха. В колыбельке у изголовья ребенка поставили солонку, полную соли, для того, чтобы он рос мудрым. В колыбель поместили и кусок железа, чтобы он вырос непоколебимым. Кусок же сахара, положенный на сердце, должен был сделать ребенка на всю жизнь добрым к людям. Эти и другие обряды красочно описал грузинский поэт Георгий Леонидзе в своей поэме о детстве Сталина.

Наличие в этих обрядах элементов, связанных с желанием, чтобы ребенок рос мужественным воином, отражало сложную судьбу грузинского народа. Грузия, находившаяся на перекрестке важнейших магистралей Евразии, на протяжении всей своей истории была вынуждена вести непрерывную борьбу, защищая свою свободу и независимость. О героической борьбе грузинского народа против захватчиков напоминало и боевое приветствие «Гуамарджос!» («С победой!»), которое закрепило в общественном сознании оптимистическую уверенность в победу правого дела.

Этим словом приветствовали друг друга гости, собравшиеся на праздник в честь рождения Иосифа. В Грузии он называется «Дзеоба». Домик, в котором происходил праздник, был небольшим и ветхим строением. По свидетельству матери Сталина, в дождливые дни крыша дома протекала. Советский драматург и очеркист Всеволод Вишневский так описал дом, где родился Сталин: «Это — единственная маленькая комната... в три окошка... Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только четыре человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашенные деревянные табуретки. На столе глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит старая медная керосиновая лампа... Вот кровать, покрытая двумя крестьянскими рукодельными покрывалами... Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось почти все имущество семьи. Вот стоит грузинский ящик для хлеба — «кидобани». В стену вделаны неглубокие шкафы для посуды, для одежды... Вот, наконец, парадный кусочек комнаты: стоит маленький буфет, покрытый желтовато-серой клеенкой. На буфетике — медный, начищенный самовар... Стол, четыре некрашенные табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар — вот и вся обстановка, все убранство».

В домике было еще «нижнее подвальное помещение. Туда ведут семь ступенек... Совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящихся на уровне панели... Вот и подвал, низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина... Вот три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов и разные домашние вещи. В стене совершенно черный от копоти очаг».

Несмотря на свою бедность, хозяева крохотного домика постарались не ударить лицом в грязь и выставить на стол все, чему полагается быть во время застолья в честь рождения сына. Собравшиеся родственники, друзья и соседи знали, что подобный праздник был уже не первым в доме сапожника. Первенец Михаил и второй сын Георгий умерли грудными младенцами. Поэтому радость по случаю рождения третьего сына омрачалась тяжелыми воспоминаниями и подспудной тревогой. Может быть, по этой причине родители и их друзья старались особенно тщательно выполнить все древние традиции, которые должны были обеспечить здоровье новорожденному.

Все гости, посещавшие дом Джугашвили в дни после рождения мальчика, должны были перед входом взглянуть на звезду, сиявшую над домом сапожника, а затем, подойдя к колыбели, дотронуться до рук, лба и колен младенца. Возможно, что верящие в способность людей манипулировать космической энергией и своим биополем, решат, что таким образом ребенку сообщали энергетические заряды, исходящие из звездных глубин и от человеческого организма. Поскольку же среди гостей были крестный отец Миха Цихитатришвили, сосед Джугашвили Якоб Эгнаташвили и другие победители городских состязаний по борьбе, люди недюжинной физической силы, то они могли сообщить ребенку мощные импульсы своей энергии. Люди же, скептически относящиеся к управлению биополем и знающие некоторые факты из детства Сталина, могут заметить, что крестный отец и сосед впоследствии следили за физическим развитием мальчика и помогли ему превратиться в одного из лучших участников в борьбе «криви» (эта игра напоминает бокс, но в ней сражаются две команды). В значительной степени благодаря вниманию этих наставников мальчик преуспевал и в других традиционных для Грузии спортивных играх и занятиях. Правда, спортсменом он не стал, но эти игры и советы его спортивных наставников, без сомнения, развили у ребенка бойцовские качества и умение взаимодействовать с другими людьми в энергичной коллективной деятельности.

Однако ни наличие у ребенка прославленных тренеров, ни энергетические заряды, полученные им от гостей, ни множество магиче-

ских обрядов, выполненных над ним, не защитили его от различных тяжелых болезней. В раннем детстве он пережил оспу и тиф. И снова мать прибегала к помощи древних ритуалов, чтобы спасти сына. Поэт Леонидзе ярко описал, как она ублажала духов («батонеби»), чтобы те оставили ребенка в живых. Екатерина знала, что во время тяжелой болезни в дом невидимыми входят семь братьев и сестер. Для них надо украсить стол парчовой скатертью или атласом, поставить букеты красных цветов, свежесдобитый хлеб, крашеные яйца, кувшины с соком и молоком. И хотя Екатерина не имела парчи и атласа, заменив их красным ситцем, она выполнила остальные условия приема батонеби и надеялась, что привередливые духи смилостивятся над ней и ее сыном.

Ни Екатерина, ни Виссарион не были язычниками. Напротив, они были истово верующими православными людьми. Однако, как многие выходцы из крестьянских семей, они сохранили верность обычаям первобытного, магического мышления, с которыми тщетно боролась христианская церковь. Древние традиции рассматривались крестьянами дополнительным резервом, к которому они обращались за помощью, отчаянно борясь за выживание перед лицом недугов, бедности и лишений. А молодой семье пришлось испытать эти невзгоды сполна.

Когда родился Сосо, Виссариону Джугашвили было 28 лет, а Екатерине Джугашвили (урожденной Геладзе) — 20 лет. Виссарион (друзья называли его Бесо) был выходцем из села Диди-Лило. Екатерина (которую звали Кеке) — из села Гамбареули. Их детство прошло еще до отмены крепостного права в Грузии в 1864 году. Они поженились всего через 10 лет после того, как перестали считаться собственностью помещиков — в 1874 году.

Правда, ко времени своей свадьбы Виссарион уже покинул деревню и стал рабочим на обувной фабрике Адельханова в Тифлисе. Однако и он, и его супруга продолжали считаться крестьянами, так как «рабочего сословия» тогда в России не признавали. К этому были веские основания. У новоиспеченных городских рабочих оставались прочные связи с деревней. Они сохраняли верность крестьянской культуре, даже после того, как переехали в небольшой город Гори с населением в 6 тысяч человек. Здесь Виссарион завел свою обувную мастерскую. Он был хорошим мастером своего дела и сначала неплохо зарабатывал, но эти заработки были ненадежными, а по мере прибавления семейства их стало не хватать.

Родители Иосифа были бедны, но они могли одарить мальчика богатствами народной культуры. С первых дней своей жизни маленький Сосело слышал звуки колыбельной, которая пела ему мать на родном языке. Он еще был младенцем, когда родители, памятуя о

заветах предков, показывали ему лик луны, которая должна была помогать ему в жизни. Позже ему показывали окружающие горы, и он полюбил горный пейзаж родной Грузии до конца своей жизни. Он не раз упоминал о величественных горных вершинах и орлах, парящих над ними, в своих речах.

Как только он научился понимать слова, мать и бабушки стали рассказывать ему грузинские сказки. В этих веселых и грустных, но всегда поучительных сказках была запечатлена вековая народная мудрость. Сосо еще был совсем маленьким, когда его стали учить пляскам под ритмическое музыкальное сопровождение, порой вставая на носки. Родители и родные научили его петь народные песни.

Одновременно мальчик запоминал, «что такое хорошо и что такое плохо» с точки зрения вековых народных традиций. Он усваивал кодекс чести, предполагавший товарищескую взаимопомощь, щедрое гостеприимство, поддержание непрерываемого авторитета главы семьи, готовность каждого отомстить обидчику рода и, если нужно, пожертвовать свою жизнь, защищая интересы и честь родной семьи. Он учился беспрекословному подчинению воле родителей, как это было заведено с незапамятных времен. И если его отец и мать прибегали к телесным наказаниям для подтверждения правоты своих слов, то вряд ли ребенок видел в этом нечто из ряда вон выходящее. Такие наказания существовали тогда во многих странах мира и в самых различных классах и сословиях.

Однако авторитет родителей поддерживался не только наказаниями. Уважение родителей, старших по возрасту, давних предков демонстрировалось каждодневно. Сталин сохранил такое отношение к своим родителям на всю жизнь. Поэтому, когда писатель Эмиль Людвиг в беседе со Сталиным высказал предположение о том, что на его вступление в революционную борьбу повлияло «плохое обращение со стороны родителей», он не поддержал его. Родители и их методы воспитания оставались вне критики для него в течение всей жизни, а потому он ответил: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались со мной совсем не плохо».

Воспитанник народной культуры знает, что родителей и родину не выбирают и единственно возможным отношением к ним может быть лишь беззаветная любовь и преданность. А такое отношение предполагает также высокую требовательность к себе и готовность к самопожертвованию во имя исполнения долга перед семьей, общиной или родным краем. Эти качества, характерные для традиционной культуры, были закалены в сынах Грузии в силу особых исторических условий.

С детства ему рассказывали легенды о героической и многострадальной истории Грузии. Он узнал, что как-то грузинская земля пе-

рестала родить хлеб. Тогда люди попытались отмыть ее от крови, которой она пропиталась. Однако когда они отмыли землю от крови, то остались лишь голые камни, так как вся земля Грузии пропитана кровью.

Позже он узнал о том, как мирная жизнь Грузии не раз нарушалась вторжениями иноземцев и кровавыми распрями местных феодалов. В VI—IX веках Грузия оказывалась под властью то Византии, то Персии, то Арабского халифата. В 627 году в Грузию вторглись союзники Византии — хазары. Во второй четверти XIII века Грузия была покорена татаро-монголами. Нашествие Тимура во второй половине XIV века особенно жестоко разорило страну и сопровождалось распадом Грузии на отдельные царства и княжества. Это обстоятельство благоприятствовало вторжению Ирана и Турции. Лишь упорная борьба грузинского народа под руководством Диди-Моурави (великого полководца) Георгия Саакадзе против иноземных захватчиков предотвратила гибель страны.

Позже он узнал о древности грузинской культуры, сложившейся в то время, когда многие народы Европы еще были неграмотными варварами и вели кочевой или полукочевой образ жизни. Первые христианские церкви здесь появились в III—IV веках н.э. Оригинальная грузинская письменность была создана, по крайней мере, в V веке н.э. Становление грузинской культуры связано с деятельностью выдающегося государя Вахтанга I Горгосала (2-я половина V века), при котором Грузия освободилась от вассальной зависимости от Ирана. Даже через много веков грузины с огромным уважением вспоминали великие дела этого правителя, а также царя Давида Строителя (1089—1125), объединившего страну и расширившего ее пределы, царя Георгия III (1156—1184) и царицы Тамар (известную в России под именем Тамары) (1184—1213), деятельность которых способствовала хозяйственному и культурному расцвету Грузии.

Семейная история Джугашвили была тесно связана с бурными событиями в прошлом Грузии. Друг детства Сосо А. М. Цихитатришвили писал: «Прадед Сталина по линии отца Заза Джугашвили участвовал в крестьянском восстании в Анануре (Душетский уезд Тифлисской губернии), был арестован, бежал в Горийский уезд и здесь стал крепостным князей Эристави. Снова принял участие в крестьянском волнении и снова бежал».

Получив эти уроки о прошлом своей семьи и своей родины, Иосиф Джугашвили-Сталин на всю жизнь сохранял память о сложной истории Грузии, обычаях грузинского народа. Главный маршал авиации А. Е. Голованов писал, что «первым человеком, который введет меня в жизнь и быт грузинского народа, будет И. В. Сталин...

Именно от него я узнал о многих вековых традициях грузин. Узнал и о гостеприимстве этого народа, о многих обычаях, о тяжелом труде крестьян, о многовековой борьбе за существование, о Давиде Строителе, царице Тамаре, Ираклии II и многом, многом другом.

Представления, взятые из народной культуры Грузии, отразились в дальнейшем в политической деятельности Сталина, его риторике. Это можно увидеть в его героизации деятельности советских людей, прославлении их боевых и трудовых свершений. Слова «Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!», которыми Сталин венчал приказы в честь взятия городов во время Великой Отечественной войны, отражали привычное для него с детства отношение к подвигу тех, кто погиб, защищая родную страну. Слова «победоносный» применительно к классам, партии, армии, поздравления «с победой», обращенные к строителям и рабочим новых заводов, вошли в политический лексикон Сталина.

Родные и близкие научили его высоко ценить не только деяния великих государственных деятелей, полководцев и воинов, но и людей труда, чьи упорные усилия преобразуют природу и создают цветущие сады. Рассказы родителей, не забывших крестьянской жизни, пребывание в деревнях, где жили его дедушки и бабушки, привили ему любовь к садам. Позже он разбивал сады вокруг государственных загородных дач, на которых жил. Его дочь Светлана вспоминала: «Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес». По словам дочери, Сталин «любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело, пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника». Сталин сохранил глубокую привязанность к обильно плодоносящему саду, олицетворявшему в традиционных представлениях грузинского народа мирный труд и процветание.

Родители, бабушки и дедушки, с которыми Сосо проводил время в деревне, учили мальчика ценить крестьянский труд и одновременно разбираться в природе, как это умеют все люди, зависящие от природных стихий. Вместе с древними обычаями крестьяне сохраняли в своей памяти многовековой опыт познания природы, накопленный людьми еще на заре человеческого рода. Как всякий воспитанник народной крестьянской культуры, мальчик учился быть наблюдательным, развивал память, смекалку.

Воспитанник народной культуры Иосиф Джугашвили был обладателем многих замечательных качеств, которые проявились в его последующей жизни. Когда он стал видным государственным деятелем, он поражал своих собеседников своей способностью к концен-

трации внимания. Он мог часами внимательно слушать собеседников, запоминая суть сказанного и отдельные детали. Он точно помнил многочисленные фамилии руководителей предприятий страны и командиров воинских частей. Он перебарывал самую разнообразную информацию по хозяйственным, внутривластным и международным вопросам и поражал своих собеседников своей эрудицией в самых различных областях знаний.

Как и многие воспитанники народной крестьянской культуры, он отличался завидной трудоспособностью и требовательностью к себе. Его жизнь свидетельствовала о том, что он сумел выдерживать и преодолевать самые тяжелые физические и моральные перегрузки, которые могли бы легко сломить иных людей. Он не удовлетворялся простыми решениями на основе шаблонных рецептов, а постоянно искал нестандартные подходы к сложным проблемам. Он не только проявлял оригинальность мышления, но постоянно поощрял независимо мыслящих людей, способных к прорывам в преодолении, казалось бы, неразрешимых задач.

Видимо, родителям Сосо удалось развить те способности, которые являются естественным даром народной культуры. Не исключено, что вниманию к воспитанию Сосо способствовало то обстоятельство, что он был их единственным ребенком, и родители отчаянно боялись, что они его потеряют, как уже потеряли его старших братьев. Возможно, что по этим же причинам немалый вклад в воспитание ребенка вложили его дедушка и бабушка, крестный отец, друзья и соседи семьи.

Ни отец, ни мать не могли выучить его грамоте. Однако незаметно для сына и для самих себя они заложили основы его ума, привили ему требовательность к себе и другие качества, позволившие ему стать одной из самых значительных фигур XX века. О том, что он преуспел в освоении этих качеств еще в детстве, стало ясно еще до того, как Сосо поступил в Горийское духовное училище. После того, как Екатерина Джугашвили стала работать в доме священника Чарквиани, она в 1883 году вместе с сыном переехала в этот дом. Под руководством священника Сосо освоил грузинскую азбуку.

Священник помогал ему и осваивать русскую речь. Как писал историк А. В. Островский, Сосо «к 1888 г... настолько хорошо овладел русским языком, что его приняли сразу в старший подготовительный класс». Ссылаясь на воспоминания сверстников, историк особо подчеркивал, что мальчик был хорошо одет, лучше, чем другие дети. В этом была заслуга его матери, которая не жалела сил, чтобы заработать деньги для своего единственного сына. Тогдашний житель Гори Семен Гогличидзе вспоминал о ней: «Кто не знал эту

живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе?! У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках — кройка и шитье, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом». Другой тогдашний житель Гори Г. Глуриджзе вспоминал: «Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно». Мать мечтала о том, что, окончив духовное училище, а затем семинарию, ее любимый сын станет священником и достигнет высокого сана на церковном поприще.

Тем временем дела у ее мужа пошли плохо. Заказов у него становилось все меньше. В конечном счете, сапожник разорился и снова ушел в Тифлис на фабрику Адельханова. Виссарион считал, что сын должен унаследовать профессию своего отца. Поэтому он забрал сына с собой в Тифлис.

Очевидцы вспоминали, как маленький Сосо работал на фабрике: «помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим». Екатерина спорила с мужем, настаивая, чтобы ребенок ходил в духовное училище Гори. По словам соседей, Виссарион часто спорил с женой: «Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником. Да и все равно будет он сапожником!» Но мать опять вернула сына в Гори, и тот продолжил учебу. Смерть отца, когда Сосо Джугашвили было 10 лет, положила конец этим спорам.

Сосо оправдывал надежды матери. Из класса в класс он переходил с отличными отметками, а его фамилию ставили первой в «разрядном списке учеников Горийского духовного училища», составленном после годичных экзаменов и опубликованном в «Духовном вестнике Грузинского экзархата».

На основе этих данных и воспоминаний школьных товарищей Сосо А. В. Островский писал: «В училище Сосо был на хорошем счету и пользовался доверием преподавателей. Даже учитель русского языка Владимир Андреевич Лавров, которого ученики звали «жандармом», сделал Сосо своим заместителем и разрешал ему вместо себя выдавать ученикам книги. Вспоминая школьные годы, одноклассник Сосо А. Гогешвили писал: «В училище у нас ученики старших классов обязаны были читать в церкви псалмы, акафисты и другие молитвы. Сосо как лучший чтец пользовался большим вниманием и доверием в училище, и ему было поручено обучать нас чтению псалмов, и только после пройденной с ним тренировки нам разрешали читать в церкви. Сосо считался главным клириком, а на торжественных молебнах главным певчим и чтецом».

Помимо церковных текстов Сосо читал много светских книг. С детства его отличала тяга к чтению. Историк Евгений Громов установил, что первой художественной книгой, взятой Сосо в местной городской библиотеке, стала повесть Даниэля Чонкадзе «Сумарская крепость». Громов писал: «В Горийском училище Иосиф читал преимущественно грузинских авторов — поэмы и рассказы И. Чавчавадзе, А. Церетели, Р. Эристави. Самое яркое литературное впечатление его детства — роман «Отцеубийца» А. Казбеги... Особое внимание читателя, особенно молодого, привлекала история романтического разбойника Кобы». Одноклассник Сосо И. Ирамешвили позже вспоминал: «Идеалом и предметом мечтаний Сосо являлся Коба... Он хотел стать вторым Кобой, борцом и героем... Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой».

Впрочем, мальчик познакомился и с главным произведением грузинской литературы — поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». А потом прилежно срисовал портрет великого поэта.

Склонность к рисованию сохранилась у Сталина до конца жизни. Даже во время заседаний он рисовал фигурки людей или зверей. После его смерти была обнаружена целая коллекция шаржей и карикатур, сделанных Сталиным в ту пору, когда он уже был государственным деятелем. Сохранилась у него и любовь украшать стены своего жилья рисунками. Под конец жизни он вырезал из «Огонька» репродукции различных картин и развешивал у себя по стенам спальни.

Но более развиты у Сосо были музыкальные и вокальные способности. Их высоко оценивал преподаватель пения Г. И. Елисабедашвили: «У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос — дискант. ...Сосо хорошо пел в хоре учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора».

Занятия в церковном хоре сохранили в нем на всю жизнь любовь к пению. Позже Сталин любил петь и слушать пластинки с грузинскими, русскими и украинскими народными песнями. Позже он полюбил оперу, и посещение Большого театра стало для него лучшим досугом. Он мог десятки раз слушать полюбившиеся ему оперы, такие, как «Иван Сусанин» и «Аида». А если занятость государственными делами не позволяла ему прослушать всю оперу, он приходил в Большой театр, чтобы прослушать хотя бы особенно любимую им сцену или свою любимую арию. По словам Молотова, Сталин «часто в Большой театр ходил на середину оперы, на кусок из оперы. Хо-

рошо относился к Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому — к русским преимущественно композиторам».

Любил Сталин и концертное исполнение оперных арий. По словам А. А. Громыко, «концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. ...Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например, об Иване Семеновиче Козловском». В то же время Сталин любил и симфоническую музыку. Как замечал Громыко, «с увлечением он — я был свидетелем этого — слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс».

Он стал ценителем и классического балета. Он любил «Лебединое озеро» Чайковского и 28 февраля 1953 года вновь был на этом балете в Большом театре. Он не знал, что в последний раз в своей жизни он слушает музыку Чайковского, с произведениями которого он впервые познакомился еще в детстве, будучи певчим в церковном хоре Гори.

Правда, церковное пение, школьные уроки, чтение и рисование не мешали будущему генералиссимусу принимать активное участие в детских забавах, в том числе таких, которые требовали бойцовских качеств. Позже его друзья детства вспоминали, что Сосо был непререкаемым участником игры «криви» (бокс, в котором сражаются две команды). Сосо был инициатором и участником игр с прятками, погонями, засадами. Тогда маленький Сосо, нарисовав на своем лице усы углем и приделав бороду из соломы, изображал то горца Восточной Грузии — хевсура, то народного героя Миндию, то Кобу или Яго из романа Александра Казбеги, то Како из романа Ильи Чавчавадзе «Како-разбойник». Возможно, что эти герои литературных произведений и народного фольклора позволяли Сосо и его друзьям воображать себя участниками боевых сражений.

Часто случается, что детские игры могут стать причиной тяжелых травм, последствия которых остаются на всю жизнь. В ходе одной из этих игр Сосо сильно упал, повредив руку. В «истории болезни» Сталина, составленной врачами лечебно-санитарного управления Кремля, говорилось: «Атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба в шестилетнем возрасте с последующим длительным нагноением в области локтевого сустава». Эта травма на всю жизнь искалечила левую руку Сталина. Поэтому военные игры были для Сосо лишь играми, а не подготовкой к военной карьере, которая для него казалась навсегда закрытой.

Мальчик стал жертвой и другой травмы, которая чуть не стоила ему жизни. Как вспоминал Семен Гогличидзе, «как-то раз 6 января

на «иордань» возле моста через Куру, пришло много народу». Тут же была и группа певчих, среди которых был Сосо. Неожиданно в эту группу певчих врезался фаэтон. Дышло фаэтона ударило Сосо по щеке, а колеса проехали по ногам мальчика. Сосо упал и потерял сознание. После этого, как вспоминал Гогличидзе, «подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10—11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не могла сдержать горестного вопля. Сосо открыл глаза и сказал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Прибывший врач промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и объявил, что внутренние органы не повреждены. Через две недели Сосо вернулся к занятиям».

Его одноклассник Д. Гогохия вспоминал: «На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени было из ряда вон выходящим». В «Духовном вестнике Грузинского экзархата» от 15 июля 1894 года сообщалось, что «Джугашвили Иосиф» рекомендуется к «переводу в семинарию». Его имя и фамилия были упомянуты первыми в перечне тех, кто удостоился такой рекомендации.

Глава 2

НА ЖИЗНЕННОМ ПЕРЕПУТЬЕ

В том же 1894 году 16-летний Иосиф Джугашвили поступил в Тифлисскую духовную семинарию. После смерти отца жизненный путь Сосо Джугашвили казался раз и навсегда предопределенным желанием его матери: мальчик должен был стать православным священником, а в случае успеха — достичь высокой должности в церковной иерархии. Ничто, казалось, не могло помешать Иосифу идти по церковному поприщу.

Известно, что Иосиф Джугашвили рос в семье, где мать свято верила в Бога, а потому молитвы перед иконой дома, соблюдение постов, регулярное посещение церкви, выполнение там многочисленных обрядов, исполнение различных обетов, данных Богу, стали с детства частью его образа жизни.

Храм, изображения Христа, Богородицы и святых, церковные службы легли в основу его первых впечатлений о возвышенном и прекрасном. Прилежание Иосифа в учебе и успехи в изучении богословских предметов свидетельствовали о том, что он свято верил в

основы христианского вероучения. О том, что его вера не была формальной или поверхностной, свидетельствовал один из соучеников Иосифа по Горийскому духовному училищу: «В первые годы учения Сосо был очень верующим, посещал все богослужения, пел в церковном хоре. Хорошо помню, что он не только выполнял религиозные обряды, но всегда и нам напоминал об их соблюдении».

С девяти лет он под руководством священнослужителей изучал тексты Нового и Ветхого Заветов. Их смысл не всегда лежал на поверхности, и священники учили его, как надо понимать библейские тексты, чтобы обнаруживать в них вечные для православного христианина истины. В истории иудейского народа, изложенной в Ветхом Завете, он учился видеть свидетельства вечной власти Бога над всеми людьми, вне зависимости от их рода и племени. В беспощадных наказаниях, которым Бог подвергал врагов Авраама, в поголовном уничтожении племен, враждебных иудеям, он научился видеть справедливое возмездие тем, кто не признавал истинного Бога. В отступничествах иудеев от Бога его учили видеть примеры извечной человеческой греховности, за которую люди всегда несут суровые, но справедливые кары. Заповеди, принесенные Моисеем с горы Синай, слова Нагорной проповеди он воспринимал как незыблемые правила поведения для всех людей мира. Каждая книга Библии истолковывалась как свидетельство истинности Бога, призыв любить Бога.

Образная система Библии была близка к тем представлениям народной культуры Грузии, с которыми он был знаком с детства, и это обстоятельство могло способствовать тому, что рассказы Ветхого и Нового Заветов воспринималась Иосифом Джугашвили как повесть о своей родине и своем народе. Дорогие ему с первых лет детства представления о природе и людях, призывы к героической борьбе и победе обретали в библейских текстах священный смысл.

Церковь постоянно пребывала в сражении с дьявольскими силами, а поэтому Святой Климент, епископ Римский, сравнивал церковь с войском. Церковь постоянно говорит о неизбежности ее победы в этой борьбе. Мученическая казнь Христа стала началом его победы над греховностью людей. С детства Иосиф привык исполнять пасхальное песнопение, в котором провозглашалась победа Христа над смертью. Слово «Ника» (по-гречески «победа») нередко было начертано вместе с изображением креста. Об окончательной победе Бога и создании Царства Божьего на Земле говорилось в завершающей книге Библии — Откровении Иоанна.

Поскольку верующие придают особое значение связи, соединяющей их собственное имя с именами тех, кто упомянут в священ-

ных книгах, то он не мог не обратить внимания на ветхозаветный рассказ об Иосифе. Вероломное предательство завистливых братьев, замысливших убить Иосифа, а затем продавших его в рабство, заключение Иосифа в тюрьму по ложному навету, умение Иосифа верно истолковывать знаки судьбы, предвидеть грядущие события и принимать своевременные, эффективные меры для предотвращения гибели целой страны, превращение Иосифа в неограниченного правителя Египта, арест им своих братьев не за их подлинное преступление против него, а на основе сфабрикованного против них обвинения в краже, прощение их Иосифом и другие эпизоды этой многократно повторенной, тщательно заученной и внимательно прокомментированной истории могли оставить неизгладимый след в сознании Иосифа Джугашвили еще в детстве.

Благодаря Священному Писанию привычные с первых дней жизни ключевые представления о родине обретали для Иосифа более широкий смысл. Священники учили, что тексты Ветхого Завета нельзя воспринимать как рассказ о неких семьях или историю одного народа, а как всемирную историю о семье народов. Слово же Христа было обращено ко всем людям на Земле. Православие соединяло судьбы разных народов, следовавших, согласно учению этой церкви, единственно верному вероучению. Поэтому даже народы с различными языками, историческими и культурными традициями — грузины, греки, русские, украинцы, белорусы, сербы, черногорцы, болгары, румыны, молдаване, а также представители других народов, принявших православие, объединялись в едином братстве православных людей. Православие позволяло Иосифу найти твердую основу для последующего поиска им общего в культурах различных православных народов.

Разумеется, восприятие библейских текстов ребенком не могло быть столь углубленным, как у взрослого верующего, но учение Христа гласило, что в своей невинности дети могут быть ближе к Богу, чем отягощенные грехами взрослые. Слова Христа: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне», его призыв «Будьте как дети», которые Иосиф заучивал с детства, говорили о благоволении Бога к детям.

С детства Иосиф мог запомнить слова Христа о его благоволении к бедным людям и осуждении им тех, кто слишком отягощен земным богатством, чтобы думать о Царстве Небесном. Христианский идеал мира, в котором нет неравенства, все люди — братья, не мог не отвечать представлениям о счастливой и справедливой жизни, к которой стремились его родители, их друзья и соседи.

Стремление к духовному совершенству усиливалось желанием Иосифа стать священнослужителем, а, стало быть, он исходил из то-

го, что он будет проводником божественной благодати, выразителем Божией воли, духовным наставником верующих, их руководителем на их земном пути. Православная церковь учит: «Священник являет собой образ Христа и совершает священнодействие силой и благодатью Божией».

В своем детстве, прошедшем в стенах духовного училища, Иосиф вряд ли мог представить себе более значительную и возвышенную миссию. Нет сомнений в том, что многие его учителя не сомневались в том, что Иосиф станет достойным священником. Названия предметов, которые изучал Иосиф Джугашвили, и полученные им отличные оценки его знаний по этим предметам свидетельствуют о том, что он не только знал канонические тексты православия и порядок церковной службы, но еще подростком мог разъяснять смысл священных текстов, молитв, песнопений, икон, церковных таинств, разбираться в порядке богослужения. Теперь в семинарии он мог углублять свои знания и приблизиться к осуществлению жизненной цели, определенной ему с детства, — стать священником.

Впервые с тех пор, когда в раннем детстве отец его увез в Тифлис, чтобы помогать работать на сапожной фабрике, Иосиф вернулся в древнюю столицу Грузии. Однако теперь ему надо было жить самостоятельно, обходясь без родительской опеки. Тифлисская семинария находилась на Пушкинском сквере. Здание семинарии было трехэтажным. На первом этаже помещались кабинеты инспектора семинарии и надзирателей, а также канцелярия. В подвальном помещении — гардероб и столовая. На втором этаже — домовая церковь, классные комнаты, учительская и квартира ректора. Бывшие семинаристы Г. Е. Елисабедашвили и З. А. Давиташвили вспоминали, что в квартире ректора была устроена секретная дверь, через которую он мог незаметно наблюдать за поведением учеников в церкви. На третьем этаже размещались спальные комнаты учеников и библиотека.

Покидать здание семинарии без разрешения начальства запрещалось. Пропуск занятий сурово наказывался. Вслед за подъемом в 7 часов следовала продолжительная молитва. После молитвы — завтрак, а затем — занятия, которые продолжались с перерывом до 2 часов дня. Через час был обед, а уже в 5 часов была переключка, после которой запрещалось покидать семинарию. По команде семинаристы шли пить чай, затем садились готовить уроки, а в 10 часов вечера

по звонку ложились спать. Спали в общей спальне на 20—30 человек. Такой строгий режим не был прихотью начальства данной семинарии, а определялся стремлением церкви достичь смирения духа у молодых людей, посвятивших себя подготовке к священнической или монашеской деятельности.

Многие авторы, особенно западные, считают, что богословие, изучавшееся Сталиным в семинарии, определило стиль его мышления сугубо в отрицательном отношении. Они обращают внимание на то, чего не выучил Сталин в семинарии. Разумеется, семинария могла дать Сталину лишь то, что она могла дать, и возможно, что для него было бы лучше, если бы он имел возможность получить более углубленное и современное образование по ряду предметов. В то же время тенденциозность и ошибочность многих из комментариев по поводу семинарского обучения Сталина в значительной степени объясняются не только враждебностью их авторов к Сталину, но и их отчужденным отношением к православной церкви.

Между тем в суровой обстановке Тифлисской семинарии были свои положительные стороны для развития ума и стимулирования интереса к знаниям. Богословские занятия развивали память, умение глубоко разбирать тексты и логически рассуждать. Строгая дисциплина не слишком позволяла учащимся отвлекаться от занятий. Семинаристы, закаленные еще в духовных училищах на текстах богословской литературы, без особого труда переваривали те философские и естественно-научные труды, которые ставили в тупик иных воспитанников светских школ. Даже суровые ограничения семинарии в отношении информации из внешнего мира имели свои положительные стороны, ибо заставляли учеников с такой жадностью осваивать знания, которая была немыслима для студентов светских учебных заведений. Любая книга, которая попадала к семинаристам, страдавшим от недостатка информации, любая публичная лекция, услышанная ими, становились предметом их дотошно-го изучения, пересудов, споров, а потому ученики духовных училищ извлекали гораздо больше ценного из ограниченного объема информации, чем университетские студенты из тех интеллектуальных богатств, которые им предлагали преподаватели.

Впрочем, некоторые авторы биографий Сталина отчасти признавали положительные стороны обучения в Тифлисской семинарии. Алан Баллок считал, что «благодаря этому обучению Сталин развил феноменальную память, что ему весьма пригодилось в его дальнейшей деятельности». А. Улам же решительно опровергал мнение Троцкого, который, по его словам, «изображал Сталина почти как неграмотного человека». Подобные заявления, подчеркивал А. Улам,

«игнорировали то обстоятельство, что семинария дала ему немалые знания: он должен был изучать латынь, греческий, церковнославянский, а также русские историю и литературу».

Главным же следствием пребывания в семинарии стала подготовка Иосифа к священнической деятельности. Вероятно, готовясь к ней, Иосиф еще внимательнее вслушивался в проповеди священнослужителей, их беседы с верующими, запоминал их слова, сказанные ему во время исповедей, постигая, как на практике претворяются слова священных для него книг и уроки богословия.

Еще с детства Иосиф мог наблюдать, что верующие обращаются к священнику как к единственному человеку, который мог их выслушать, разрешить их сомнения, простить их проступки или наказать их. Люди, довольные своей участью, реже обращались к помощи священнослужителя. В церковь и к священникам шли прежде всего те, кто нуждался в духовной поддержке. Задолго до появления социологии священники были лицами, обладавшими огромным практическим опытом в изучении массового сознания населения, их чаяний и забот, их желаний и стремлений, их страхов и опасений. Постоянно общаясь со священнослужителями и другими церковными лицами в духовном училище, Иосиф мог рано понять, что беспокоит людей и на что они надеются. Благодаря этому он, как и многие другие ученики духовных училищ, мог быстро распознавать наиболее общие причины печалей и тревог прихожан. Общаясь со священниками, Иосиф рано стал учиться разбираться в людях, их душевных качествах.

Семинарист мог понять, что высокие требования к священнику определялись тем, что для истово верующих он был их надеждой и утешением, лицом, способным смирить смятение их духа, направить их на путь истины и добра, а не просто сказать верующему приятные вещи. Верующий должен был видеть в священнике пример твердости веры, воспринимать его слова как неоспоримые указания относительно того, как следует жить. Проповедь священника должна не просто изложить аргументы в пользу религии, а вдохновить верующих на праведную жизнь. Священник должен уметь добиться того, чтобы верующие доверились ему, поведав о своих жизненных нуждах и откровенно рассказав о своих грехах. Священник должен с предельным вниманием выслушать исповедь верующего. Примеры священнических бесед с прихожанами, вероятно, помогли ему освоить мастерство в общении с людьми.

Исповедь венчается суждением священнослужителя, которое равносильно судебному решению для верующего, определяя степень соответствия или несоответствия его поведения правилам цер-

ковной жизни. Священник может обосновать свои слова авторитетными ссылками на священные тексты. У верующего не должно было быть ни малейших сомнений в том, что устами священника гласит Небесная Церковь. Поэтому решения священника должны быть взвешенными, мудрыми, ясными и не подлежащими обжалованию. Иосиф знал, что во власти священника охарактеризовать сравнительно небольшой проступок верующего, как шаг к измене Богу и тем самым своевременно предотвратить его грехопадение. Священники могли отказываться отпустить прихожанам их грехи, не допустить их к таинству причастия, накладывая различные епитимии. Он также знал, что священник может санкционировать прощение тяжких грехов преступнику, чтобы сохранить в душе павшего надежду на спасение и тем самым остановить его на гибельном пути.

В церкви Иосиф учился выражать мысли логично и понятно, быть беспристрастным судьей человеческих поступков, судьей строгим и справедливым. У священнослужителей он учился умению находить слова и манеру поведения, позволявшие смирить злые мысли и буйные страсти паствы, вдохнуть надежду и веру в сердца людей. Очевидно, что примеры священнослужителей оказали влияние на последующую жизнь Сталина и помогли ему строить свои выступления и свое поведение уже в качестве государственного руководителя. Многочисленные очевидцы отмечали, что Сталин умел делать так, чтобы люди откровенно рассказывали ему о своих делах и проблемах, а он мог их долго и с поразительным вниманием выслушивать.

Есть многочисленные свидетельства и разборов Сталиным проступков людей, которые по своей форме во многом напоминали разборы священниками поведения прихожан, совершавших грехи. Как и православные священники, которые могут долго и сурово разбирать вину прихожан, Сталин мог подолгу «пилить» виновных и указывать им на возможные тяжкие последствия, вытекающие из их, казалось бы, незначительных проступков. Зачастую такие беседы Сталина венчались «отпущением грехов», когда виновник уходил от него не только с чувством облегчения, но и вдохновленный оказанным ему доверием. В то же время Сталин мог жестко «накладывать епитимии» на тех, кто, по его мнению, совершал непростительные проступки.

Вероятно, привычки, сложившиеся под воздействием примеров священнослужителей, отразились впоследствии и в манере сталинских письменных работ и публичных выступлений. Четкости сталинской речи или письменных работ способствовало сочетание риторических вопросов и кратких ответов, в стиле церковного кате-

хизиса. Для выступлений Сталина была характерна жесткость и категоричность церковной логики. Многие образы, использованные Сталиным в его речах и публикациях, были взяты из церковного лексикона. Активно применялись Сталиным в его статьях и речах речевые повторы, используемые в церковных проповедях.

Можно найти сходство между стилем писем Сталина и характерными особенностями священнических писем прошлого века. Как и многие послания православных старцев, письма Сталина отличались краткостью, содержательностью и быстрым переходом к основным вопросам послания. Порой они, как и послания священнослужителей, носили назидательный характер и содержали добрые советы.

Но если священники, наставляя своих духовных чад на путь истинный, ссылались на положения Священного Писания или святоотеческой литературы, то Сталин использовал положения из классиков марксизма-ленинизма для того, чтобы подкрепить собственные аргументы. При этом, как и священнослужители, Сталин в своих письмах неоднократно настаивал на том, чтобы его корреспонденты внимательно вчитывались в рекомендованную им литературу.

Беспрекословное подчинение верующих суждениям (в том числе резким и суровым), изрекаемым священнослужителями, обеспечивалось безграничным доверием к ним, верой в их способность проводить Божию волю. Чтобы добиться такого отношения верующих, священник должен был поддерживать уважение к своему сану и в то же время быть доступным для паствы. На различных примерах Иосиф мог убедиться в том, что ошибки в поведении могли подрывать авторитет священнослужителя и закрыть сердца отчаявшихся людей для Божьего Слова.

Находясь в церкви, Иосиф учитывал пристальное внимание, с каким прихожане следят за каждым шагом священника. Малейшее нарушение сложившихся норм поведения и даже общепринятого внешнего вида могло стать причиной всевозможных пересудов и сплетен как в среде прихожан, так и среди коллег-священников. Он учился «знать свое место» в церковном коллективе и соблюдать строгую иерархию отношений между священником и паствой, между старшими по должности церковнослужителями и младшими.

Получая в церкви советы, как вести себя мудро в мирском обществе, где царят злоба и ненависть, мстительность и глупость, Иосиф в то же время напоминал, что главным способом преодоления и людских интриг, и суетных помыслов может стать победа над страстями.

Есть основания считать, что в своем стремлении подражать по-

ведению священников Сталин обрел те качества, которые особенно ценились в церкви. Потом они стали его отличительной особенностью: отсутствие «поспешности, торопливости, смущения», стремление (хотя и не всегда успешное) сдерживать «горячие мысли», подчеркнутое спокойствие и выдержка. Характеризуя Сталина, с которым он постоянно общался по долгу службы, бывший управляющий делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаев вспоминал: «Внешне он был спокойный, уравновешенный человек, неторопливый в движении, медленный в словах и действиях. Но внутри вся его натура кипела, бурлила, клокотала. Он стойко, мужественно переносил неудачи и с новой энергией, с беззаветным мужеством работал на своем трудном и ответственном посту». Эти наблюдения перекликаются с воспоминаниями А. А. Громыко: «В движениях Сталин всегда проявлял неторопливость. Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было. Казалось, само время прекращает бег, пока этот человек занят делом». Даже в походке Сталина, когда он мог незаметно и почти неслышно подойти к человеку, можно увидеть сходство с типичной походкой многих православных священников.

Многие поведенческие черты Сталина сформировались в годы его учебы в духовных учебных заведениях под воздействием примеров священнослужителей с характерным для них сочетанием доброжелательности в общении с людьми и умения держать их на определенной дистанции. Характеризуя стиль поведения Сталина, А. А. Громыко в своих воспоминаниях писал: «В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считалось признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений».

Возможно, что идеал смиренного пастыря оказал воздействие и на бытовые привычки Сталина. Как и многие другие, А. И. Микоян отмечал, что «в личной жизни Сталин был очень скромн, одевался просто». Он научился, как и священнослужители, довольствоваться неброской и скромной одеждой. Его домашний быт даже в годы его пребывания у власти не отличался роскошью, и в этом, вероятно, также сказывались уроки духовных училищ.

И все же священники, которые обычно своим внешним видом и

одеянием демонстрируют смирение, во время торжественных богослужений облачаются в роскошные одеяния. Да и в обычное время они находятся в центре внимания паствы, принимают исключительные знаки уважения со стороны верующих. Склоненные в поклонах люди, их смиренные просьбы о благословении, почтительное внимание, с которым выслушиваются слова священнослужителя, а нередко и восторженный трепет, который вызывают проповеди священника, — все это не могло не оставить следа на сознании человека, который готовился стать пастырем божьим. Возможно, что воспоминания о церковных службах служили для Сталина примером, когда он оказался окруженным всеобщим восхищением, почетом и восхвалениями, а его речам, затаив дыхание, внимали его собеседники, массовые аудитории, все советские люди. Однако не исключено, что восприятие священнослужителями пышных церковных церемоний как актов, творимых во славу божию, напоминало ему, что праздничный ритуал и знаки восторженного внимания людей относятся не к нему лично, а к делу, которое он олицетворял. Именно так он не раз объяснял советские торжественные церемонии и поведение присутствовавших на них людей, которые выражали восторги по случаю его появления.

Есть множество и других свидетельств того, что учеба в духовных учебных заведениях и пребывание в лоне церкви сохранили свое воздействие на Сталина даже после того, как он покинул церковное поприще. Он не раз вспоминал о своем пребывании в семинарии и говорил о своей несостоявшейся карьере священника. Узнав в ходе беседы с будущим Маршалом Советского Союза Василевским, что тот, учась в семинарии, не собирался стать священником, Сталин шутливо заметил: «Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор». Он на всю жизнь сохранил в памяти церковные песнопения, и Молотов впоследствии рассказывал Феликсу Чуеву о том, как Сталин с ним и Ворошиловым порой пели православные акафисты.

Разумеется, после того, как Сталин стал членом марксистской партии, влияние религиозного воспитания на его сознание и привычки проявлялось лишь косвенным образом. Хотя он был членом партии, объявившей непримиримую борьбу религии, пребывание в лоне церкви и учеба в духовных заведениях помогли ему понимать психологию верующих и роль священников. Поэтому явно раздражала атеистическая пропаганда, которая игнорировала особенности религиозного сознания верующего человека. Об этом он не раз говорил, в том числе и публично. О глубоком понимании роли церкви в

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть I. До Октября 1917 года

Глава 1. Детство Генералиссимуса в Гори 7

Глава 2. На жизненном перепутье 18

Глава 3. Начало учебы в университете революции 37

Глава 4. Подмастерье от революции 55

Глава 5. Мастер от революции 69

Часть II. От 7 ноября 1917 года до 22 июня 1941 года

Глава 6. Академия Гражданской войны 87

Глава 7. Тень грядущей войны над СССР 114

Глава 8. Развернутое наступление по всему фронту 131

Глава 9. Создавая оборону страны 141

Глава 10. Укрепление идейно-политического единства страны
и политический кризис 1937—1938 гг. 166

Глава 11. Накануне войны 183

Часть III. Трагедия 1941—1942 годов

Глава 12. Первые дни войны 228

Глава 13. Защищая Смоленск, Ленинград и Киев 250

Глава 14. Создание антигитлеровской коалиции 283

Глава 15. Операция «Тайфун» и ее провал 291

Глава 16. Верховный Главнокомандующий 319

Глава 17. Боевые действия в первой половине 1942 года 338

Глава 18. Сталинградское сражение 353

Часть IV. Трудная дорога к Победе

Глава 19. «Враг потерпел поражение, но он еще не побежден»	394
Глава 20. Курская битва	417
Глава 21. Завершение переломного года Отечественной войны	426
Глава 22. Десять сталинских ударов	440
Глава 23. «Добить фашистского зверя в его собственном логове!»	487
Глава 24. Чествование победителей и Потсдамская конференция	527
Глава 25. Завершение Второй мировой войны.	536

Часть V. Последние годы Генералиссимуса

Глава 26. Подведение итогов войны и сталинский план возрождения разоренной страны	552
Глава 27. Начало «холодной войны»	566
Глава 28. Смерть Сталина	590
Заключение	597
Перечень основных использованных материалов	602